

Дело физика Калякина: надежда на пересмотр приговора?

Источник: <http://trv-science.ru/2016/04/05/delo-kalyakina-nadezhda-na-peresmotr-prigovora/>

05 апреля 2016 года. ТрВ № 201, с. 9, "Из зала суда"

Наталья Демина

Сергей Георгиевич Калякин — первый заместитель генерального директора по науке Физико-энергетического института им. А.И. Лейпунского (ФЭИ), предприятия госкорпорации «Росатом», директор Института ядерных реакторов и теплофизики, структурного подразделения ФЭИ. Исполняющий обязанности генерального директора ФЭИ в 2012—2013 годах. Доктор технических наук

Талантливому человеку просто ломают жизнь. Если у него будет судимость, то он не сможет заниматься атомными проектами», — сетовали друзья и коллеги физика-ядерщика Сергея Калякина, пришедшие 29 марта на очередное заседание Мосгорсуда по рассмотрению апелляционной жалобы на несправедливый приговор. Напомним, что 18 августа 2015 года решением судьи Замоскворецкого районного суда Москвы Натальи Чепрасовой Калякин был приговорен к 7 годам лишения свободы в колонии общего режима и 700 тыс. штрафа.

На самом суде Сергей Калякин и его адвокат Елена Соколова не раз называли имя замглавы Росатома докт. техн. наук и

академика РАЕН Вячеслава Першукова, по их мнению, заказчика этого уголовного дела. Стоит отметить, что на первое заседание Мосгорсуда 17 марта потерпевший (каким его считает прокуратура и суд) не явился по неустановленной причине. В этот же раз он сослался на то, что находится в командировке. В кулуарах суда сотрудники Росатома, пришедшие поддержать Калякина, заметили, смеясь, что слышали просьбу Першукова сказать секретарю, что «я — в командировке», хотя он, по уверению атомщиков, в тот день был в Москве.

«Беда в том, что возбуждению уголовного дела предшествовал ряд обстоятельств, о которых мы говорили в суде, на которые мы обращали внимание суда, но которым суд не дал никакой оценки в приговоре. Этот вопрос был обойден молчанием», — отмечала адвокат Елена Соколова.

«...Возбуждению уголовного дела предшествовал конфликт, а именно в конце 2011 года в рамках Росатома при Блоке управления инновациями В. Першуковым было создано ЗАО „Наука и инновации“. Что произошло? Институту, который благополучно функционировал 60 лет, вдруг говорят: теперь мы будем вами руководить. И не просто мы будем вами руководить, а вы нам за это будете платить 3% от оборота. Случилось так, что предыдущий директор ФЭИ Валерий Рачков написал письмо с просьбой разъяснить, как вопреки закону о госкорпорации «Росатом» ЗАО может руководить ФГУПом (федеральным государственным унитарным предприятием). Рачков, понимая, что вступил в зону конфликта, уволился... Многие предупреждали Калякина и говорили: не соглашайся на должность и. о. директора института в этот ответственный момент, тебя съедят. Тем не менее Калякин счел необходимым для себя занять эту должность, он решил, что невозможно бросить институт», — продолжила свою речь адвокат Соколова.

«Ровно в тот самый короткий период времени, когда продолжался конфликт, Калякин занимал должность и. о. директора ФЭИ. Господин Першуков, желая наказать непослушных, направил Калякину письмо, что если вы не примете ЗАО „НИИ“ в качестве управляющей компании, то мы примем в отношении вас меры. Этот документ тоже был представлен суду. Это письмо было конкретно адресовано Калякину, и [в нем была угроза, что] „мы вас накажем“. А Калякин лишь просил объяснить, представить юридический документ, на основании которого ЗАО будет руководить ФГУПом... Он хотел, чтобы ему дали правовое, легитимное обоснование, чтобы с него потом не спросили, как же так, Калякин, на каком основании ты ежемесячно платишь 3% какому-то ЗАО... Собственно, это и стало причиной конфликта. После этого господин Першуков

назначил проверку, которую поручил проводить своим сотрудникам из ЗАО „Наука и инновации“... Именно из этого конфликта возникло настоящее уголовное дело», — отмечала адвокат Елена Соколова.

В свою очередь Сергей Калякин рассказал о психологическом давлении, о ночных допросах, которые продолжались несколько дней, в ходе которых его коллеги (Александр Лукьянов и Алексей Зайцев) поменяли свои показания, и их отпустили по домашний арест. Калякин сказал, что ему тоже обещали домашний арест, если он даст показания на неких высокопоставленных сотрудников Росатома, чего Сергей не стал делать. «И сам приговор, и ни один документ никак не касается моей вины», — подчеркнул он.

Обнинское отделение Ядерного общества России, гендиректор Физико-энергетического института (ФЭИ) им. Лейпунского А. А. Говердовский, Совет старейшин и Совет ветеранов этого института, Всероссийский НИИ Экспериментальной физики (ВНИИЭФ, г. Саров) и ОАО «Атомпроект» в Санкт-Петербурге представили в суд несколько характеристик, в которых они отметили большой вклад Сергея Калякина в развитие атомной отрасли в России, и просили суд объективно рассмотреть его дело. Несмотря на возражения прокурора Зверевой, коллегия судей в составе Соловьёвой, Фёдоровой и Поспеловой приняла решение приобщить к делу эти характеристики. В характеристике, представленной сотрудниками бывшего «Арзамас-16» и подписанной первым заместителем директора Института теоретической и математической физики (ИТМФ) ВНИИЭФ В. П. Соловьёвым, отмечается,

что «под руководством С. Г. ... проводились работы по созданию перспективных реакторных установок. Разработанные пакеты программ обеспечивают не только принципиально новые подходы к моделированию с высокоточным трехмерным

описанием геометрий изделий, но и предоставляют возможность создания систем кодов для комплексного описания объектов атомной энергетики, таких как энергоблок в целом».

«В настоящее время отсутствие непосредственного участия С. Г. Калякина в работах атомной отрасли, нехватка его опыта и дальновидности в значительной мере тормозит процессы создания импортозамещающей основы по обоснованию безопасности отечественных АЭС различными типами реакторов, в первую очередь с реакторами нового поколения на быстрых нейтронах с жидкометаллическим теплоносителем», — говорилось в тексте этого документа (его, как и другие характеристики, можно найти на сайте ТрВ-Наука). Судья, зачитывавшая обращение физиков из Сарова, перепутала слова и вместо «нейтроны» сказала «нейроны». Друзья Калякина хмыкнули, что, мол, суду всё равно, на чем будет работать реактор.

В своем обращении к суду Сергей Калякин также сосредоточился на том, что суд вменил ему в вину использование служебного положения. «По должностной инструкции я не имел отношения к финансовой деятельности, а лишь определял научную политику института», — подчеркнул он.

Судьи постановили истребовать из ФЭИ Положение об Институте ядерных реакторов и теплофизики, в котором разъяснены обязанности руководителя этого института. Этот документ должен прояснить вопрос, занимался ли подсудимый финансовыми вопросами.

Рассмотрение дела С. Калякина продолжится 6 апреля в 14:00 в Мосгорсуде. Некоторые материалы по этому делу см. на странице <http://trv-science.ru/2016/04/05/kalyakin/>. См. также репортаж Веры Васильевой на портале «Права человека в России» (<http://hro.org/node/24128>).

Наталья Демина

P.S. 6 апреля 2016 года Мосгорсуд решил снизить срок С.Г. Калякину с 7 лет до 5. Суд снял с Сергея обвинение в использовании служебного положения. А. Зайцеву, который активно выступал против приговора Замоскворецкого суда, пытаясь объяснить, что в отчетах не было плагиата, а работы были произведены на высоком уровне, срок был снижен с 3,5 лет до 3 лет и 3 месяцев. Возможно, суд учел и то, что Алексей был ликвидатором Чернобыльской аварии, работая добровольцем в стройотряде. Приговор в отношении Александра Лукьянова суд оставил без изменений. Все трое физиков в скором времени могут претендовать на условно-досрочное освобождение (УДО), но до этого их этапируют в колонии.

Презумпция виновности

19 апреля 2016 года. ТрВ № 202, с. 7, 13, "Из зала суда"

Наталья Демина

Слева направо: А. Зайцев, А. Лукьянов, С. Калякин, адвокат Е. Соколова. Фото Н. Деминой
Пьеса Натальи Деминой для трех обвиняемых из Физико-энергетического института (полная версия)

Место действия: Мосгорсуд, 6 апреля 2016 года.

14.00. Адвокаты, родные, друзья подсудимых в ожидании начала заседания у кабинета. 14.30. Все терпеливо ждут. Мимо пробегают судьи в черных мантиях, прокуроры, секретари судов... На часах – 15.00. Мелькают судьи, прокуроры, адвокаты, участники процессов. Двери кабинетов открываются и закрываются... Никакой информации о том, начнется ли заседание и когда. Мимо родных физика-ядерщика Сергея Калякина идет назначенный на его процесс прокурор, женщина 25-30 лет в синей форме с папками в руках.

— Товарищ прокурор, а когда начнется заседание по Калякину?

— Скоро должно начаться.

— А почему всё затягивается? Много дел?

— Да, сегодня у меня 26 заседаний.

16.00. Все в ожидании. Идут разговоры, что сегодняшнее заседание перенесут на другой день, так как в 18 часов суд закрывается.

Родные подсудимых: Эти дни привоза – [для подсудимых] самые сложные. Потому что их поднимают в 6-7 утра и начинают развозить по разным судам. Колесят по всей Москве. И до вечера не кормят. И чаю порой нельзя выпить. Иногда даже в туалет не разрешают выйти. Муж говорит, что лучше в этот день вообще не есть, не пить... В камере – 18 человек. Нет ни телевизора, ни холодильника.

Представитель пресс-секретариата Мосгорсуда, услышав это: Я не знаю, это не входит в полномочия Мосгорсуда. Это всё ФСИН.

Около 16:30. Наконец заседание по уголовному делу № 10-2976/2016, назначенное на 14:00, начинается. В зал входит коллегия в составе судей Татьяны Соловьёвой, Светланы Фёдоровой и Елены Поспеловой. Они информируют, что из ФЭИ получен по запросу Мосгорсуда ряд документов о должностных полномочиях первого зам. гендиректора ФЭИ по науке С. Калякина. Оказалось, что на момент инкриминируемых деяний в 2010–2011 годах никакой должностной инструкции у Калякина не было.

Судья: Калякин, встаньте, пожалуйста. Вас назначили на новую должность, а должностной инструкции не было. Я правильно понимаю?

Сергей Калякин: Видимо, да.

Судья: В трудовом договоре написано, что «должностная инструкция (которой нет) является неотъемлемой частью договора и Вы обязаны ею руководствоваться». Как же Вы осуществляли свою работу?

Сергей Калякин: Мне тоже непонятно, почему нет такой инструкции.

Судья: Но Вас же с ней знакомили? Вы бы сказали: как я могу работать, если у меня нет инструкции?

Сергей Калякин: Это был 2010 год. Менялось руководство, пришел новый директор, постоянно происходили какие-то изменения, сливались отделы, лаборатории, мне трудно сейчас что-то сказать об инструкции. Конечно, я руководствовался документами и здравым смыслом и знал, за какую работу я отвечаю.

Судья (разочарованно): Понятно, садитесь. (Она зачитывает другие документы, где также говорится о должностной инструкции.)

Судья: Так Вы работали, руководствуясь своим внутренним убеждением? Вы мне коротко скажите: да или нет?

Сергей Калякин: ...Поскольку сливались отделения, можно было руководствоваться предыдущими инструкциями. Я знал свою работу.

Судья: Откуда же Вы могли знать свои должностные обязанности, если они нигде не прописаны?

Сергей Калякин: Я бы хотел добавить, что в 2010 году началась работа по ФЦП «Ядерные технологии нового поколения». По приказу Кириенко я там занимал высокую должность, так что гендиректор ФЭИ Рачков ставил передо мной в основном задачи, связанные с подготовкой и реализацией этой ФЦП, всем остальным я занимался в остаточное время. Поэтому не проконтролировал наличие должностной инструкции. Два года было так.

Судья: Переходим к судебным прениям. Сергей Георгиевич, Вы желаете выступать в судебных прениях? (Просит его быть кратким.)

Сергей Калякин: Я бы хотел кратко даже не повторить, а обобщить то, что было в апелляционной жалобе... Несколько пунктов.

Первое. Уголовное дело было возбуждено незаконно, тому есть несколько причин. Оно было возбуждено как «хищение бюджетных средств», эти средства фигурируют и в последнем предъявленном мне обвинительном заключении.

Второй момент. В ходе судебных заседаний на допросе я задал вопрос представителю потерпевших [Вячеславу Першукову]: «Какие документы Вы лично получаете из института по этим договорам?» Он перечислил документы. Еще вопрос: «На каком из этих документов стояла моя подпись?» Он сказал, что такой подписи не было, там стояла только подпись Капитанова (зам. гендиректора ФЭИ по финансам). «Тогда на основании чего в заявлении, которое Вы подали, спустя несколько месяцев после возбуждения уголовного дела, фигурирует моя фамилия, что я ввел Росатом в заблуждение?» Он не нашел что ответить. Так же как и на вопрос: «Чем подтверждается Ваше право написать это заявление? Какие у Вас полномочия?» Сказал, что действует по доверенности, которая имеется в уголовном деле. Эту доверенность в ходе судебного заседания обозрели, там не было найдено полномочий, по которым он писал свое заявление от имени Росатома, по которым он находился в зале суда. Он сказал, что, может быть, есть какая-то другая доверенность. Но другой доверенности в уголовном деле нет!

Третье. Першукову был задан вопрос, какой ущерб в рублях понес Рос-атом. Ответ: «В рублях нет ущерба. Есть ущерб в нарушении прав управления предприятием». На основании этого в приговоре есть две фразы, что «ФЭИ были выделены средства». Если написать в приговоре полностью эту фразу — «выделены кем», — то она смотрелась бы глупо, из-за того что потерпевшим является Росатом. Вторая фраза, несоответствующая действительности, что «ФЭИ принадлежит корпорации „Росатом“». Не принадлежит! По поводу этих двух серьезнейших ошибок много говорилось в зале суда, но никаких выводов сделано не было. Они остались. Что такое ущерб? Корпорация должна была либо недополучить деньги на свой счет, либо потерять их со своего счета, либо был какой-то имущественный ущерб. Но этого не было.

Росатом владеет 100% пакетом акций АО «Атомэнергпром»... А уж это АО «Атомэнергпром» до 2011 года имел 100% акций ОАО «Энергоатом» (ныне у него 97%, у «Росатома» — 3%). В свою очередь, «Энергоатом», переименованный в «Росэнергоатом», имеет свой Проектно-конструкторский филиал (ПКФ), который из средств чистой прибыли выделил деньги по договорам ФЭИ. Тогда при чем здесь Рос-атом? Ведь он имеет настолько опосредованное отношение к ПКФ ОАО «Росэнергоатом».

Еще. ФЭИ являлся на тот момент ФГУП. ФГУП не может принадлежать госкорпорации... ведь это частная форма собственности. Это основной момент, это не простая ремарка, всё это говорит о том, что уголовного дела как такового нет.

Из тех 33 томов, которые присутствуют, бумаги, относящиеся ко мне, находятся в 2,5 томах. И не относятся к моей деятельности. <...> На следствии не была рассмотрена моя версия. Следовательно сделал всего три следственных действия. Экспертиза итоговых отчетов, хотя и проводилась в непрофильном институте, дала очень высокую оценку этих отчетов. И почерко-ведческая экспертиза показала, что на инкриминируемых мне документах моя подпись поддельная. За месяц до заключения следствия был допрошен зам. гендиректора ФЭИ Капитанов, который подписывал все договора. Генеральный директор ФЭИ Рачков не был даже опрошен. А ведь он мог прояснить следствию мою роль, чем я в институте занимался в то время.

Я не то что не признаю свою вину, я просто не виноват. Я не могу согласиться ни с одним пунктом, ни одной запятой этого обвинения. <...> Моей подписи нет на договорах, я их даже не визировал. <...> Прошу суд внимательно рассмотреть все аспекты этого дела и меня оправдать.

Александр Лукьянов: Корыстных мотивов в моих действиях не было. Как я сейчас понимаю, моим мотивом была ложно понятая производственная необходимость, которая выражалась в том, что одним из условий успешного заключения договоров и формирования устойчивых длительных заказов со стороны «Росэнергоатома» на научно-технические разработки для ФЭИ было привлечение определенных фирм к выполнению этих работ. Собственно, это и послужило основной причиной того, что я подписывал справки-обоснования для привлечения этой фирмы. Сами работы, которые концерн заказывал в лице своего проектного филиала силами ФЭИ, были выполнены и получили положительную оценку со стороны заказчика и, насколько я в курсе, были внедрены в последние разработки тех АЭС, которые концерн возводит в настоящее время.

Алексей Зайцев: Я хочу резюмировать. Есть шесть китов, на которых базируется обвинение. Первое. Страница 3 обвинительного заключения: «...при этом выполнять эти работы соучастники заведомо не собирались». Сложно сказать, что они собирались или не собирались, но работы были выполнены!

Второе. Несколько раз появляется фраза «фиктивные договора». Я уже говорил, что договора ФЭИ не могут быть фиктивными. В Росатоме и ФЭИ все договора проверяют на экономическую целесообразность и безопасность. Соответствующие службы как Росатома, так и ФЭИ признали эти договоры экономически целесообразными и безопасными. И ко мне они пришли уже в подписанном виде.

Третье. «Изготовлены заведомо подложные акты сдачи-приемки работ». Изготовить это в «Росэнергоатоме» не под силу никому. Данные акты изготавливает приемщик работ, и он оценивает, принимает он работу или нет. <...> Как они могут быть «заведомо подложными»?

Четвертое: итоги проверки на плагиат; это прозвучало в выступлении потерпевшего (Першукова), что в итоговых отчетах было 79% заимствований. Я уже выступал на эту тему. 21% новой информации в отчетах — это не беллетристика — очень хороший результат для научно-исследовательской работы в нашей области.

Пятое. Страницы 48– 49 обвинительного заключения. «Работы по договору между ФЭИ и ПКФ „Росэнергоатома“ выполнены в полном объеме, что не соответствует действительности». Тем не менее представитель ПКФ на судебном заседании показал, что работы выполнены в полном объеме и в установленные сроки. Качество этих работ устроило заказчика.

И шестое, по поводу экспертизы. Я подробно ее читал и спросил: «Почему были выбраны именно эти эксперты?» Мне ответили, что один из экспертов — доктор технических наук. Но технические науки — очень широкий спектр, от космологии до микромира. Должен быть специалист в нашей области. Это всё равно что назначать тренера по плаванию тренировать хоккейную сборную,

обосновывая тем, что и там и там дело происходит во взаимодействии со средой, состоящей из молекул H₂O. И на этих шести пунктах строится обвинение.

Прокурор Зверева: Приговор суда считаю обоснованным, законным и мотивированным. Вина подсудимых нашла полное подтверждение при рассмотрении уголовного дела по существу судом 1-й инстанции, в том числе в показаниях Першукова, суд обоснованно положил их в основание приговора. Также показания других свидетелей по делу. Считаю, что не имеется данных о заинтересованности этих лиц в оговоре подсудимого. Письменные материалы по делу также свидетельствуют о доказанности вины лиц. Суд обоснованно дал критическую оценку свидетелям в суде, которые дали иные показания на предварительном следствии. Нарушений процессуального характера в виде давления на свидетелей не допускалось. Считаю, что все квалифицирующие признаки совершения преступления нашли свое полное подтверждение, в том числе и как «группа лиц по предварительному сговору».

В том числе я настаиваю на наличии в действиях Калякина квалифицирующего признака «использование служебного положения», поскольку согласно приказу от 07.04.2010 он являлся зам. гендиректора — директором Института ядерных реакторов ФЭИ. Поподробнее на этом постараюсь остановиться. Понятие «служебное положение» собирательное, сюда относится несколько видов. И как раз письменные показания по делу подтверждают, что Калякин являлся служащим ГНЦ РФ – ФЭИ. (Калякин служащим не является. — *Прим. авт.*) Это и приказ о назначении на должность, и приказ, который в настоящем заседании был приобщен за № 306. Там говорится, что его должность относится к руководящей категории должностей. Кроме того, в трудовых договорах, которые были заключены в том числе 07.04.2010.

Председатель судебной коллегии совершенно обоснованно задавал вопрос, о какой же должностной инструкции идет речь. Считаю, что это также служит основанием полагать, что именно служебное положение Калякин использовал при совершении данного преступления. Чтобы не быть голословной, хочу обратить ваше внимание, что на прошлом судебном заседании Калякин пояснял, что давал отдельные поручения сотрудникам института, что также свидетельствует о наличии у него отдельных организационных обязанностей.

Кроме того, согласно показаниям Лукьянова, которые подробно изложены в приговоре (*тут Калякин посмотрел на рядом сидевшего коллегу*), по указаниям Калякина он составлял проектно-техническую документацию к договору. На момент заключения договора с ОАО «Росэнергоатом» было понятно, что исполнить эти договора ФГУП ФЭИ не сможет, и Калякин отреккомендовал ему сотрудника Курчатовского института Кеворкова. В дальнейшем Лукьянов сообщал Калякину о фиктивности «Энергоинжиниринга». Несмотря на это, Калякин ему сказал, что договор с «Энергоинжинирингом» нужно заключить.

Это и показания иных лиц, в том числе подсудимого Зайцева, который также на предварительном следствии утверждал, что «после заключения договора Лукьянов говорил, что нужно привлекать для выполнения работ субподрядчика», что это было обязательным условием, выдвинутым Лукьянову зам. гендиректора Калякиным. Обсуждать это решение не было никакого смысла и что «заключить договор с ООО „Энергоинжиниринг“ ему приказал именно Калякин». <...>

Соответственно, все эти материалы по делу подтверждают, какие именно должностные инструкции были у Калякина, какие именно действия он совершал. Считаю, что информация, которая на настоящее судебное заседание представлена АО ГНЦ РФ–ФЭИ, о том, что документов, определяющих должностные обязанности зам. гендиректора — директора Института ядерных реакторов и теплофизики, нет, не свидетельствует об отсутствии у Калякина административно-хозяйственных функций. Неразработка и неутверждение соответствующего документа, определяющего обязанности зам. гендиректора — директора Института, — это нарушение, которое, возможно, было допущено работодателем, но совершенно не свидетельствует об отсутствии таких функций у Калякина при выполнении им его обязанностей. (При отсутствии документов вынесен квалифицирующий признак — «воспользовался служебным положением».) <...>

Считаю, что использование служебного положения нашло свое полное подтверждение и подтверждается новыми обстоятельствами по делу, которые суд полностью исследовал и оценил. Доводы, указанные в апелляционных жалобах, являются несостоятельными. Приговор суда

полностью соответствует всем обстоятельствам дела. Все выводы суда подтверждаются доказательствами, которые были исследованы на заседании. Суд выслушал все доводы, которые могли повлиять на решение суда. <...> Приговор считаю справедливым, наказание для четырех лиц соответствует тяжести содеянного и их личностям. Таким образом, приговор прошу оставить без изменения, полностью отказать в удовлетворении всех апелляционных жалоб.

Судья: Подсудимые, вам предоставляется последнее слово.

Сергей Калякин (в изумлении от прозвучавшей речи): ...Я еще под впечатлением от речи прокурора. Так переиначить всё, что написано в приговоре, нарисовать такую картинку... А заключительная фраза, что отсутствие документов не говорит о том, что он не мог это не выполнить... У нас презумпция виновности или невиновности?

Я не буду много говорить, но, когда решался вопрос о продлении нашего срока пребывания под стражей и нам дали возможность ознакомиться с ходатайствами следователя, судья разрешила мне задать вопрос. Я спросил: «Почему при абсолютно одинаковых доводах следствия, вплоть до одинаковых орфографических ошибок, у меня арест, а у остальных — домашний арест?» Следователь ответил: «Потому что Вы не признали свою вину». Всё! Дальше было бесполезно что-то говорить, что нет такого основания в УПК... А если человек не виноват? Если он вину не признает, потому что не виноват?

Сначала следователи взяли какую-то версию и начали под нее всё подгонять, причем с применением очень сильного давления на родных и близких, на всех, на кого было можно давить. Но это обстоятельство не принимается судом... На суд приходит Кеворков, который заведомо ухудшает свое положение, изменяя свои показания, и говорит: «Я так не могу! Наконец на суде можно признаться, как всё было на самом деле. На меня было оказано давление, а мне никак нельзя было в тюрьму...» Зачем ему нужно было менять показания? Ведь он пришел на приговор с вещами, готовый поехать в тюрьму. Он понимал, что отказом от своих «признательных» показаний он ухудшает свое положение...

Виноват? Назначили виновного? Ни доказательств, ни документов, ничего — просто назначили. Отмыться от этого невозможно! Но ты должен доказывать, находить какие-то аргументы, что это не так... Прокурору же не надо ничего доказывать, он просто говорит одну фразу: «Законно и обоснованно».

Девушка-прокурор в это время делает вид, что не слушает, что-то строчит у себя в мобильнике. Показания потерпевшего Першукова... Почитайте их! Денежного ущерба не нанесено, лишь «моральный ущерб». Как человек в моей ситуации может доказать, что он не виноват? На все доводы, что приводит он или адвокат, он слышит слова прокурора «законно и обоснованно». <...> Если показания других менялись в ходе следствия от плюса к минусу: то я свои показания не менял ни разу.

Здесь много говорилось про ООО «Энергоинжиниринг» (компания, которая была привлечена ФЭИ в качестве субподрядчика для выполнения договора с «Росэнергоатомом»). <...> У меня не было сомнений, что это компания не фиктивная, что она создана при Курчатовском институте и все работы проводились его сотрудниками. Итоговые работы были сделаны нами на высоком уровне, прошли научно-технический совет ФЭИ. Они были приняты и внедрены заказчиком. Заказчик выступал на суде и говорил, что, к сожалению, нет продолжения этих работ, а надо было двигаться дальше. Водородная безопасность — важная тема для атомной энергетики. Кто-то когда-нибудь, прочитав материалы этого дела, скажет: «А где хоть какие-то доводы? Где доказательства его вины?» А прокурор на всё ответит: «Законно и обоснованно». Ну как так можно?! Я еще раз повторяю: я не виноват. И не потому, что не признал свою вину, а просто не виноват.

Александр Лукьянов: Частично признавая свою вину по тем пунктам, о которых я говорил раньше, я хотел, чтобы суд принял во внимание, что основные цели, которые УК ставит перед наказанием, в значительной мере к настоящему моменту достигнуты. Социальная справедливость, казалось бы, восстановлена в полном объеме. Профилактическая роль процесса тоже, тем более что он нашел широкое освещение в прессе и других СМИ. И наконец, что касается непосредственно моего исправления, здесь тоже достигнут большой прогресс. Поэтому прошу учесть мои пожелания, которые сформулированы в кассационной жалобе.

В зале заседания люди в шоке, перешептываются: «Что он говорит? Он сошел с ума?»

Алексей Зайцев: Буду краток. Я бы хотел сказать относительно качества выполненных работ. В приговоре о нем говорилось всякое. На самом деле работы были выполнены на высоком уровне. Они действительно дались очень тяжело, потому что объем был большой. Вы можете проверить по бюро пропусков: я в 8 утра приходил на работу, а в 8 вечера уходил, включая субботы и воскресенья. У меня на момент ареста накоплены 7 оплачиваемых отпусков, т. е. я фактически работал без отпуска. Был задел и на последующие работы, но, к сожалению, нас на взлете подстрелили. Я возвращаюсь к тому, с чего начал, и призываю судей прислушаться к тем доводам защиты, которые были высказаны.

Суд удаляется на совещание. Через 15 минут судьи объявляют, что срок заключения Сергея Калякина снижен с 7 до 5 лет, суд снял с него обвинение в использовании служебного положения. Срок заключения Алексея Зайцева снижен с 3 лет 6 месяцев до 3 лет 3 месяцев. Приговор в отношении Александра Лукьянова был оставлен без изменения.

Подробнее о деле см. <http://trv-science.ru/2016/04/05/kalyakin/>